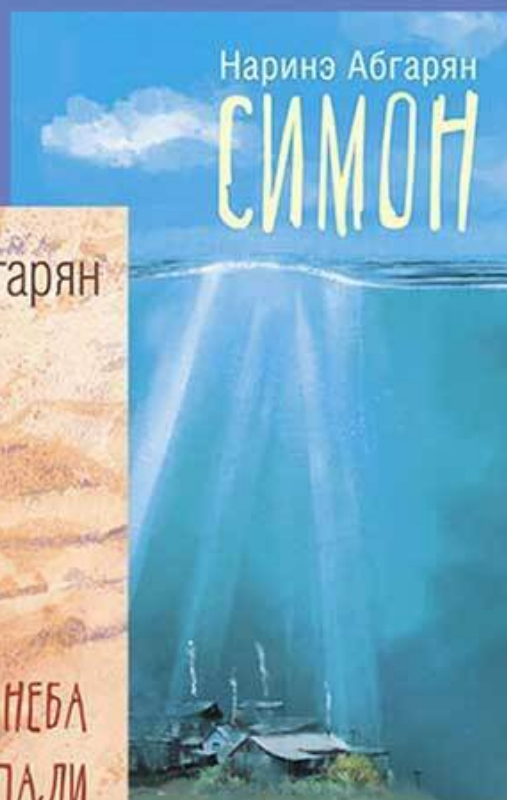
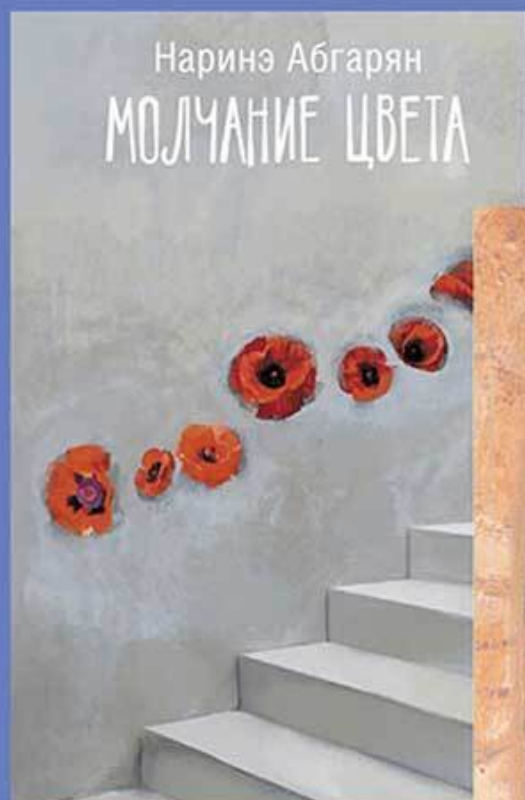

Наринэ Абгарян

КОМПЛЕКТ
ИЗ 3-Х КНИГ

Наринэ Абгарян

**Симон. С неба упали три
яблока. Молчание цвета.
Комплект из 3-х книг**

«Издательство АСТ»

2014, 2020, 2022

Абгарян Н. Ю.

Симон. С неба упали три яблока. Молчание цвета. Комплект из 3-х книг / Н. Ю. Абгарян — «Издательство АСТ», 2014, 2020, 2022

Каждая книга Наринэ Абгарян — это маленький праздник души и возможность посмотреть на мир с теплотой и улыбкой. В комплект вошли ключевые книги автора: - «Симон» — трогательная и одновременно забавная история о каменщике из армянского городка, который всю жизнь был окружен любовью множества женщин. Это роман о памяти, любви и мудрой доброте, которая греет сердца. - «С неба упали три яблока» — очерк жизни загадочной горной деревушки и ее колоритных жителей. В этой книге вы встретите людей с необычным характером и большой душой, способных подарить свет и вдохновение. - «Молчание цвета» — искренний рассказ о самой главной поддержке и любви тех, кто всегда рядом. Книга наполняет благодарностью и верой в светлое, учит ценить каждое мгновение с близкими. Наринэ Абгарян — выдающаяся писательница, чье творчество занимает особое место в современной литературной культуре России и соседних стран. Ее произведения, наполненные теплотой, юмором и глубокой человечностью, не только отражают жизнь армянских общин, но и становятся универсальным голосом, который объединяет читателей разных национальностей и поколений.

© Абгарян Н. Ю., 2014, 2020, 2022

© Издательство АСТ, 2014, 2020, 2022

Содержание

Симон	6
Проводы	7
Кулон	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наринэ Абгарян
Симон. С неба упали три
яблока. Молчание цвета
Комплект из 3-х книг

© Наринэ Абгарян, текст.

© Сона Абгарян, иллюстрации.

© ООО «Издательство АСТ».

СИМОН

Моему сыну

Проводы

У Айинанц Меланьи умер муж. Не сказать чтобы его смерть стала для людей неожиданностью, ведь Симону было крепко за семьдесят, а точнее – без году восемьдесят лет. Но расстроились все – муж Меланьи был душой компании и общим любимцем. Жил он широко и безудержно, в тратах себя не ограничивал, ел словно в последний раз, пил так, будто завтра утвердят сухой закон и впредь за спиртное будет полагаться смертная казнь. Потому завтракал Симон вином (для бодрости), обедал тутовкой (от изжоги), ужинал кизилровкой (чтоб крепко спалось). Несмотря на царящие в Берде¹ пуританские нравы, в интрижках он себе не отказывал. Любил женщин – самозабвенно и на износ, очаровывался с наскока, ревновал и боготворил, на излете отношений обязательно дарил какое-нибудь недорогое, но красивое украшение. «Расставаться нужно так, чтобы баба, встретившись с тобой на улице, не проггла плевком!» – учил он друзей. Друзья отшучивались и, намекая на его любвеобильность, дразнили джантльменом, от слова «джан» – душа моя.

Меланья по молодости устраивала мужу сцены ревности, но с годами научилась смотреть на его похождения сквозь пальцы. И все же иногда, чтоб не слишком зарывался, закатывала скандалы с битьем тарелок и чашек, которые заранее откладывала из щербатых, предназначенных на выброс. Симон наблюдал с нескрываемым восхищением, как жена мечется по дому, грохая об пол посуду.

– Ишь! – комментировал, подметая потом осколки. Пока он прибирался, Меланья курила на веранде, стряхивая пепел в парадные туфли мужа. Жили, в общем, душа в душу.

Симон умер накануне своего 79-летия, абсолютно здоровым и бодрым. Плотно поужинав и опрокинув от бессонницы стопочку кизилровки, он уснул в привычное время, а утром не смог подняться с постели. Вызванная скорая диагностировала инсульт, но до больницы не довезла – Симон умер, когда машина выезжала со двора. Выдали его семье к утру следующего дня, одетым в шерстяной костюм и белоснежную рубашку, тщательно побритым и причесанным на идеально ровный пробор. Столь нарядного усопшего не стыдно было бы в гроб положить и предъявить общественности, если бы не багровые, в синюшный перелив, уши, портящие пред-

¹ Берд – город в Тавушском регионе Армении.

ставительный вид. Молодой патологоанатом, предвосхищая расспросы родственников, пояснил, что подобное случается с людьми, умершими от инсульта.

– И как же нам быть? – прослезилась Меланья.

– Хоронить! – сухо бросил патологоанатом, которому явно было не до сантиментов.

Меланья долго раздумывала, как придать покойному приличный вид. От предложения старшей невестки замазать уши тональным кремом сердито отмахнулась – не дам из своего мужа меймуна² делать! Обозвав бессовестной, выставила вон младшую, предложившую повязать ему косынку. Средней невестке не дала даже рта раскрыть – все одно толкового не скажет. Ничего в итоге не придумав, она понадеялась на тактичность земляков и решила оставить все, как есть. Перепоручила невесткам хлопоты по поминальному столу, переделась в темное и подчеркнуто скромное и уселась в изголовье гроба, вознамерившись провести в скорбном молчании два дня.

Но надежды на тактичность земляков не оправдались. При виде покойного они, позабыв о словах сочувствия, первым делом справлялись, почему у него такие вызывающе-синие уши. Меланья вынуждена была, прерывая молчание, обстоятельно им отвечать. Мужчины обескураженно цокали языком, женщины сразу же предлагали что-нибудь предпринять.

– Да что тут предпримешь! – вздыхала Меланья.

– Ну хоть что-нибудь! – упорствовали женщины, сыпля наперебой идиотскими предложениями, как то: приложить к ушам листья подорожника, нарисовать йодную сетку, облепить перебродившим тестом, желательно холодным – чтоб наверняка. Мужчины в ответ крутили пальцем у виска, едко любопытствуя, как вообще можно помочь тому, кому ничем уже не поможешь. Цитата из «Идиота» о красоте, которой суждено спасти мир, неосмотрительно приведенная учителем литературы Офелией Амбарцумовной, вызвала в мужском лагере бесцеремонные смешки и вполне разумный довод, что красотой покойника не оживишь. «Зато приятно будет на него смотреть!» – не сдавался женский лагерь. Обстановка неуклонно накалялась, превращая церемонию прощания в перепалку. Траурный тон мероприятию вернула новоиспеченная вдова. Поднявшись со своего места и торжественным шагом направившись к буфету, она со скрипом его отворила, вытащила тяжеленную супницу и со значением грохнула ее об пол. Женщины, моментально вспомнив, за каким делом явились, дружно заголосили, мужчины вышли во двор – перекурить. Меланья, довольная произведенным эффектом, снова уселась в изголовье гроба.

Потихоньку стали подтягиваться бывшие пассии Симона, расфуфыренные, словно на пасхальную службу. Первой явилась Сев-Мушеганц Софья, в кардигане цвета топленого масла и с фальшивым жемчугом на дряблой шее. Следом заглянула Тевосанц Элиза. Сыновья Элизы давно перебрались во Фресно, потому она пришла во всем американском: платье, туфлях, даже сумка и помада цвета пыльной розы – и те были заграничные, о чем она не преминула сообщить, устраиваясь по правую руку от вдовы. Меланья повела носом и поморщилась – пахла Элиза нестерпимо сладкими духами. «Передушилась, ага», – виновато шепнула та и уверила, что терпеть придется недолго – духи, в отличие от всего остального, не американские, потому быстро выветрятся. Из далекого Эчмиадзина приехала Бочканц Сусанна и в один миг взбесила публику литературной речью, высокомерно вздернутыми тонко выщипанными бровями и подобранными в частую складочку узкими губами. Ей тут же со злорадством припомнили хромоногую безграмотную мать и отца-оборванца. Сусанна вернула брови на законное место и, расслабив узел рта, перешла на диалект, чем сразу же снискала благосклонное к себе расположение. Последней пришла Вдовая Сильвия, удачно выдавшая дочь замуж в Россию. Невзирая на октябрьскую теплынь, она явилась в полушубке из чернобурки и бирюзовой фетро-

² Обезьяна (*фарси*).

вой шляпе. Встав к окну спиной (чтоб дневной свет не ложился на «упавшее лицо», но зато выгодно подчеркивал богатство гардероба), она, делая многозначительные проникновенные паузы, прочитала печальные стихи о разлуке.

Поэзия стала последней каплей. Бесцеремонно подвинув чернобурку, Меланья ушла к себе, переделалась в маркизетовую блузку и длинную, выгодно подчеркивающую ее худощавую фигуру юбку, заколола волосы бабушкиным черепаховым гребнем. От искушения воткнуть в узел антикварные вязальные спицы из слоновой кости с сожалением отказалась. Зато напудрилась и подкрасила губы – не сидеть же среди этих расфуфыренных куриц неухоженной выдрой! К тому времени, когда она вернулась, публика значительно поредела. Остались самые стойкие: родственники, бывшие коллеги мужа, пассии (все) и подслеповатая старая Катинка, кажется, намеренно позабытая своими детьми.

Именно она и предложила смазать уши покойного растопленным утиным жиром. Мол, вреда все одно не будет, а вот польза может приключиться. Ведь знахарка Пируз вполне успешно лечила утиным жиром не только синяки и ушибы, но даже переломы.

Не хоронить же его синеухим, дочка! – прошамкала Катинка, утирая слезы краем передника. Меланья хотела было возразить, что покойному без разницы, какого цвета у него уши, но, поймав боковым зрением шевеление бровей Бочканц Сусанны, передумала – повода злорадоваться она ей не даст.

– Несите утиный жир! – скомандовала вдова.

– Главное – наложить сверху компрессы с камфорным маслом. Так знахарка делала! – сыпала инструкциями Катинка, следя за тем, чтобы камфары не переложили. Иначе, пояснила она, могут случиться судороги.

– Ну ему-то судороги не грозят! – отмахнулась невестка Меланьи.

– Откудыва ты можешь знать? – встопорщилась старая Катинка. – И вообще, вместо того, чтобы языком молоть, ты бы лучше охладила утиный жир до комнатной температуры!

– Почему именно до комнатной? – любопытствовала Вдовая Сильвия, обмахиваясь журналом: в полушубке и шляпе ей было нестерпимо жарко, но на предложения раздеться она отвечала неизменным отказом.

– Как почему? – всплеснула руками Катинка. – Чтоб не обжечь покойному кожу!

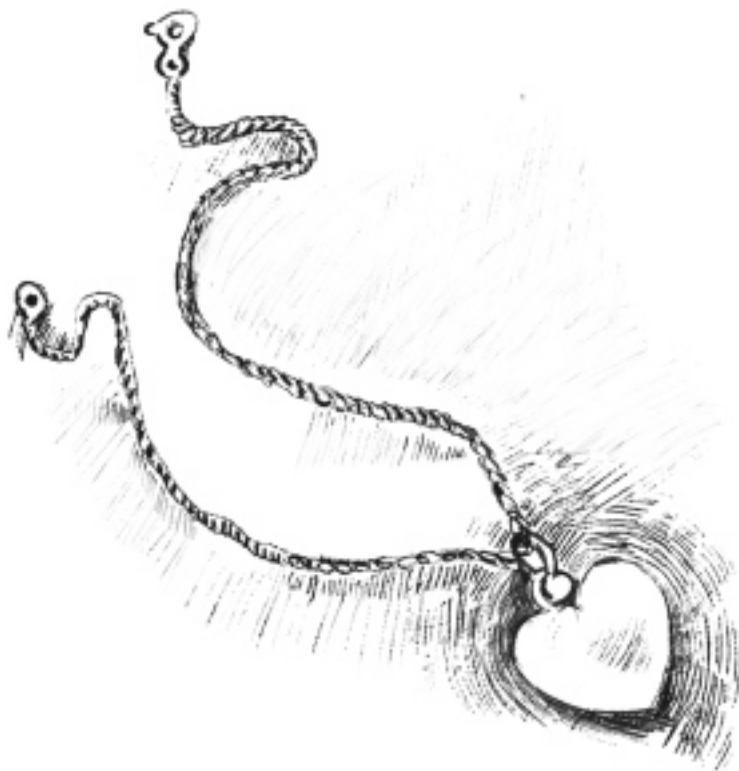
Сильвия, обменявшись ошалелыми взглядами с невесткой Меланьи, булькнула нечленораздельное и притихла.

К тому времени, когда у детей Катинки проснулась совесть и они наконец-то явились за своей матерью, голову Симона украшали большие беспроводные наушники, отжатые со скандалом у младшего правнука. Наушники надежно фиксировали компрессы с камфорным маслом. Несмотря на неловкость ситуации, покойный выглядел вполне умиротворенным и даже счастливым. Вокруг гроба расселись вдова и бывшие пассии, потягивали домашнее вино и, разгоряченные то ли спиртным, то ли беспомощным видом Симона, откровенничали «за жизнь». Вдовая Сильвия, сдвинув на затылок фетровую шляпу и выставив на обозрение сотоварок почти лысую голову, жаловалась на поредевшие волосы. Софья, сняв фальшивый жемчуг и оттянув ворот водолазки, демонстрировала некрасивый шрам, оставшийся после операции на щитовидке. Элиза с горечью призналась, что сыновья, вознамерившись открыть свое дело и понабрав кредитов, еле сводят концы с концами и потому вся ее одежда приобретена не в приличном магазине, а в секонд-хенде, чуть ли не на развес. Сусанна же с упоением жаловалась на высокомерную городскую свекровь: «Старая гримза попрекает меня деревенским происхождением, а сама рюкзак называет лугзагом!»

– Обмажь ей уши утиным жиром, вдруг подберет, – посоветовала Меланья под общий смех. Изредка кто-то из женщин заглядывал под наушники и сообщал остальным, что толку от утиного жира ноль.

– Неужели вы надеялись, что толк будет? – каждый раз осведомлялась Софья и, с удовлетворением выслушав заверения в обратном, разливала по бокалам новую порцию вина.

Кулон

Запах моря был таким настойчивым, что Вдовая Сильвия проснулась с ощущением, будто оно плещется у нее под окнами. Она повернулась на бок, подогнула ноги, тщательно накрылась одеялом и пролежала так несколько минут, не размыкая век и дыша полной грудью. Форточка, уступив натиску стеклянного зимнего ветра, приоткрылась и впустила в дом солоноватый дух морозного ущелья. Тот метался по комнатам крупным бестолковым щенком, бился башкой о дверные косяки, застревал под тахтой и креслами, путался в тяжелых шторах, воевал с бахромой диванных подушек. Сильвия прислушивалась к его возне, блаженно улыбаясь – хорошо. Тем не менее вскоре она поднялась, пробежалась, босая, ежась от холода, по дощатым полам, плотно прикрыла форточку, не давая ей, поддетой порывом ветра, захлопнуться и наделать шума. Одевалась, настороженно прислушиваясь к тишине. Подошла на цыпочках к комнате дочери, прижалась ухом, удовлетворенно кивнула – спят!

Время двигалось к семи утра, ночь неохотно отступала, влача темный подол своего одеяния, но и день с приходом не особо спешил, ограничившись лишь тем, что лениво притушил и без того неяркое свечение звезд да передвинул к краю горизонта блеклую четвертушку луны. Было зябко и неприкаянно, там и сям, нехотя чирикнув, сразу же притихали воробьи, молчали дворовые собаки, а петухи, успев откукарекать по третьему кругу свое ежеутреннее приветствие, с чувством исполненного долга отдыхали.

Вдовая Сильвия вспомнила петуха из своего детства, невольно фыркнула. Тот был до того заполошным, что изводил криком всю округу. Иногда, чтоб немного уgomонить, дед смазывал ему под хвостом солидолом. Ничего не подозревающий петух взлетал на частокол, вознамериваясь в очередной раз сотрясти окрестные дворы торжествующим криком, набирал полные легкие воздуха, однако терпел фиаско: не встретив сопротивления, воздух беспрепятственно выходил через задний проход, обрывая в зародыше его «кукареку». Сделав несколько неудач-

ных попыток крикнуть, петух сползал с частокола и плелся по двору, топорщась перьями на затылке и уныло свесив пестрые крылья. Весь его облик – скособоченный клюв, сокрушенный взгляд, неуверенная поступь – свидетельствовал о глубоком недоумении и неподдельном потрясении. «И что, теперь так и будет?» – будто бы жаловался он, едва слышно бухтя себе под нос. Сильвия не помнила, что стало с ним потом – то ли зарезали, то ли продали, но крик его, пустопорожний, торжествующий, до сих пор звучал в ушах.

Прочитав над водой коротенькую молитву и поблагодарив Бога за новый день, Вдовая Сильвия тщательно умылась. Этой церемонии ее научила глубоко уважающая и неукоснительно чтящая народные традиции бабушка. В свое время она даже умудрилась подстроить под них весь свой быт. К примеру, заметив, что пес задрал голову и обеспокоенно обнюхивает воздух, она, ничуть не сомневаясь, что дело движется к дождю, спешила убрать вывешенное на просушку белье. Если глаза бесцельно замирали на каком-нибудь предмете – тотчас застилала обеденный стол свежей скатертью и, проверив запасы сладкого, садилась молотить кофе – ведь ни для кого не секрет, что застывший взгляд к неожиданным гостям. Путникам она неизменно подкладывала в вещи узелок с горсточкой огородной земли – чтобы они благополучно вернулись домой. Никогда не передавала из рук в руки чеснок, потому что это могло навредить здоровью того, кто его просил. Не делала уборку на ночь, чтоб не расстраивать домашних духов – она искренне верила в них и непременно оставляла на чайном блюде угощение, к примеру – карамельные конфеты, фантики которых она обязательно приоткрывала, но полностью не разворачивала, тем самым облегчая работу и в то же время уважая желания духов: захотят угоститься – сами дальше справятся.

Сильвия, по молодости относившаяся с иронией к привычкам старшего поколения, с возрастом сама в них поверила и нет-нет да и ловила себя на том, что, вторя бабушке, старается переделать всю работу по дому до субботнего полудня, оставляя свободным вечер и последующее воскресенье. Или же, помня о том, что в народе понедельник считают недобрый для начинаний днем, старалась ничего в этот день не планировать. А засеивать огород принималась во вторник – самый благоприятный для этого день.

Анна, дочь Вдовой Сильвии, мирилась с привычками матери, а вот зять, не вытерпев, иногда подтрунивал над тещей. Впрочем, делал он это до того смешно и по-доброму, что Сильвия не обижалась – молодой еще, наивный, жизни не понимает. На резонное замечание зятя, что к тридцати пяти годам вполне уже можно кое-что в жизни понимать, она снисходительно цокала языком: кое-что – это не все! Рано поседевшая и растратившая былую красоту, себя Вдовая Сильвия, невзирая на в общем-то небольшой возраст – пятьдесят два года – прочно записала в старухи и мягко, но решительно отметала любые попытки близких убедить ее в обратном. Рождение долгожданного внука окончательно укрепило ее в убеждении, что лучшие времена остались позади. Сразу же оформив на работе бессрочный отпуск, она с радостным облегчением переключилась с бухгалтерских расчетов на благословенные заботы бабушки, с первого же дня привязавшись к младенцу с той самоотверженной преданностью, на которую способны только люди, всю жизнь промечтавшие о беззаветной любви – и наконец-то ее заполучившие.

Анна, не считаясь с настоятельными советами воронежских врачей, приняла решение рожать в Берде. «Мне только у мамы будет спокойно», – отмела она все их доводы. Муж ее решение поддержал, но компания, где он работал, требовала постоянного его присутствия, поэтому выбраться к семье он смог только к родам. Дождавшись выписки жены и сына из больницы и убедившись, что все с ними в порядке, он улетел обратно в Россию. Анна же намеревалась вернуться туда к началу лета. Перспектива провести долгие месяцы с дочерью и новорожденным внуком наполнила душу Вдовой Сильвии ощущением сбывшейся заветной мечты.

«Аствац³-джан, только не посчитай мое счастье излишним», – оказавшись в уединении, боязливо шептала она, воздевая к небу руки и торопливо осеняя себя крестом. С Богом она всегда говорила с глазу на глаз, не сомневаясь, что так меньше ему досаждают.

Появление внука изменило Вдовую Сильвию, женщину молчаливую и замкнутую, до незнакомости: она стала вдруг охочей до общения и могла проводить долгое время в телефонных беседах, неизменно норовя свести любое обсуждение к разговору о ребенке. Небольшая любительница магазинов – как правило, она приходила туда с тщательно составленным списком и, за несколько минут выбрав нужное, с облегчением уходила, теперь она проводила там чуть ли не часы, перебирая умильные, с зайчиками и бегемотиками, ползунки, чепчики и распашонки. Набрав целый ворох одежды, она какое-то время еще ходила вдоль полок, заменяя одну вещицу на ровно такую же, но без шва на спине, а потом, с чувством выполненного долга расплатившись, несла покупки домой.

Под натиском чувств изменилось даже отношение Вдовой Сильвии к традициям. Если раньше они соблюдались с некоей вариативностью, то теперь именно там, где дело касалось новорожденного, она следовала им с маниакальной, доходящей до гротеска неукоснительностью. К примеру, обычай советовал хранить под матрасиком младенца нож или ножницы, чтобы отпугивать злых духов. Вдовая Сильвия, рассудив, что многого мало не бывает, разложила по противоположным краям дна кровати и то и другое. Следом, чуть поразмыслив, разместила в третьем углу оставшуюся от деда опасную бритву, предварительно заточив ее осколком водного камня и обмотав острое лезвие бинтом. Порывшись в коробке с вязаньем, присовокупила к арсеналу спицы. Сложив их крест-накрест в свободном уголке кровати, она накрыла обереги сложенным вчетверо шерстяным пледом, водрузила поверху детский матрас, подоткнула его простынкой и лишь тогда вздохнула с облегчением.

Обычай рекомендовал первые сорок дней жизни беречь новорожденного от посторонних, объясняя это тем, что в таком возрасте он особенно восприимчив к сглазу. Суровый мораторий был наложен на любых гостей. От двора было отказано даже теру Маттеосу, заглянувшему поздравить семью с прибавлением и напомнить, что на восьмой день младенца положено крестить. Вдовая Сильвия, перекинувшись со священником несколькими дежурными фразами, поблагодарила его за визит и решительно выпроводила за порог, не дав пройти дальше прихожей.

– Так что с крестинами? – полюбопытствовал на прощание тер Маттеос, отряхивая пропыленную рясу пестрящей золотистыми, не успевшими сойти с лета веснушками рукой.

– Сорок дней пройдут – там видно будет! – последовал исчерпывающий ответ.

Тер Маттеос даже бровью не повел, когда входная дверь непочтительно захлопнулась перед его носом. Пригладив отчаянно кудрявящуюся бороду растопыренной пятерней, он направился к лестнице, ведущей с открытой веранды во двор, однако замер на верхней ступеньке и, обозвав себя беспамятным болваном, вернулся. Вытащив из кармана накидки мягкую игрушку – смешного пучеглазого ослика в полосатом сюртучке, он было сунулся в дом, но потом махнул рукой, огляделся по сторонам и, не найдя более подходящего места, оставил игрушку на подлокотнике старой тахты. Удостоверившись, что ослик крепко сидит, святой отец принялся спускаться по заледенелым ступенькам, придерживаясь морозных перил кончиками пальцев и напевая под нос мотив любимой песни. Добравшись до нижней ступеньки, он прервал пение подбадривающим «оп-ля», полуприсел и грузно спрыгнул во двор, повергнув в изумление рассеявшуюся на краешке забора стайку воробьев. Умолкнув, они уставились на него, наблюдая, как он идет к калитке, прищелкивая пальцами по болтающемуся на груди кресту. «Like last summer's rose I'm in love... love, love, love», – разливался его густо-бархат-

³ Аствац – Бог.

ный бас, запоздало подхваченный бранчливым аккомпанементом наконец-то очнувшейся от потрясения птичьей стайки.

Ослик просидел на веранде совсем недолго – вышедшая задать корм птице Сильвия сразу же его заметила. Она умиленно повздыхала, но забирать его не стала. Ушла в птичник, вернулась оттуда с пустой миской из-под корма, неся под мышкой курочку с окровавленным гребешком. На днях петуху с большим скандалом подстригли когти, чтоб он курам бока и спины не обдирает, вот он и мстил, поганец. Обработав ранку зеленкой, Вдовая Сильвия отнесла пострадавшую обратно, постояла над развалившимся на верхней жерди насеста петухом-красавцем, хмыкнула, выдрала в сердцах из его хвоста длинное и наглое золотистое перо – в назидание, и под негодующие его крики ушла домой, бормоча под нос: «Скажи спасибо, что я тебе, ироду, клюв аптечной резинкой не обмотала!»

Тщательно вымыв руки, она вернулась на веранду – забрать ослика. Высвободила его из упаковки, повертела так и эдак, застегнула на пуговку ворсистый жилет, нажала на живот, прислушалась к деликатному «иа-иа», кивнула, соглашаясь: раз Создатель в оперные певцы не определил, то ничего тебе, горемыке, и не остается, как только иакать!

Тер Маттеос оказался единственным бердцем, рискнувшим заглянуть к Вдовой Сильвии. Соседи, не решаясь нарушить положенный традицией сорокадневный «карантин», ограничились телефонными звонками и поздравительными открытками. На звонки она отвечала подробным отчетом об аппетите, росте и прочих успехах быстро прибавляющего в весе младенца, открытки же, бегло пробежав глазами, складывала в жестяную коробку из-под сахарного печенья, чтобы потом, когда свободного времени будет предостаточно, обстоятельно их перечитать. Директор консервного заводика, где она четверть века проработала бухгалтером, передал с посыльным заклеенный конверт. Вдовая Сильвия обнаружила внутри поздравительную открытку и три новенькие стодолларовые купюры с прозрачной синенькой полоской и портретом озабоченно поджавшего губы Бенджамина Франклина. Американский президент остро напомнил ей прабабку, умершую более века назад. Смерть ее стала притчей во языцех. Случилась она в Пасху, когда вся семья, включая многочисленных внуков и правнуков, собралась за праздничным столом. Прабабка, женщина крайне богобоязненная и благовоспитанная – никто прежде не слышал от нее резкого слова, опрокинув себе на колени солонку, явственно и громко чертыхнулась. Сконфуженно рассмеявшись, она попросила притвориться, что никто ничего не слышал, и пока родные, пряча улыбки, дружно уверяли, что все так и было, бедняжка тихо отдала богу душу. Посмертно прабабка снискала славу самой совестью жительницы не только Берда, но и всего региона – ведь на памяти людей не было ни одного случая, чтобы человеку довелось умереть со стыда. Вдовая Сильвия прабабку в живых не застала и знала ее по старой фотографической карточке, на которой та, точь-в-точь как президент Франклин, полуобернув полное лицо и поджав губы, с претензией таранилась в объектив большими, немного навывкате, круглыми глазами. Рука прабабки покоилась на плече напряженно улыбающегося пятилетнего мальчика в сюртучке, коротеньких штанишках и ботинках со сбитыми носами. Над левым ухом мальчика торчала смешная кудряшка, которую хотелось пригладить пальцем, чтоб она не портила тщательно прилизанного общего вида. Мальчика звали Ованесом, он был младшим из семи внуков прабабушки и отцом Вдовой Сильвии. Сильвию, кстати, назвали в честь прабабушки. Имя, столь не характерное для этих краев, предложила мать новорожденной, по слогам вычитав его на баночке мятных леденцов. И, хоть в церкви при крещении девочке дали более подходящее армянское имя, закрепилось за ней то, непривычное для слуха, отдающее голосом горного родника и шелестом весенней листвы. А потом, через два поколения, это имя перешло к правнучке.

Растроганная щедрым подарком, Вдовая Сильвия позвонила на консервный заводик и, стараясь не выдать волнения, сдержанно поблагодарила. Взяв с нее обещание, что сразу же после отъезда дочери она вернется на работу, начальство попрощалось. Двести долларов Силь-

вия отложила на потом, сотню же, разменяв в банке на армянские драмы, пустила на всякие насущные нужды: бутылочки, соски, подгузники, присыпку, а также продукты, прописанные в рацион кормящей матери. Анна возмутилась, что мать потратила свои деньги, но та решительно оборвала ее – мне это в радость, дочка. Оставшиеся двести долларов, походив по дому в поисках безопасного угла (банкам после денежной реформы, съевшей все ее сбережения, Сильвия не доверяла), она припрятала в пятом томе собрания сочинений Чехова. Правда, перед тем, как убрать книгу обратно, благоразумно сделала запись-напоминалку в блокноте, чтоб потом не перерывать все книжные шкафы. Выглядела эта запись вполне интригующе и даже несколько криминально и, пожалуй, не всякому шифровальщику пришлось бы по зубам. «Прабабушку Сильвию искать в вишневом саду», – гласила она.

Запрет на «карантин» нарушили только для сватов, выбравшихся навестить внука из Иджевана. Ревниво и подбостранно рассмотрев спящего младенца, сватья сразу же с удовлетворением объявила, что он – копия ее отца, потому назвать его нужно в честь деда Багдасаром. Вдовая Сильвия хотела было возразить, что подобным ветхозаветным именем не всякий в наши дни решится ребенка обозвать, но ее опередил сват. Повертев в характерном недоумевающем жесте вздетый к потолку указательный палец, он обрушил на жену водопад негодования:

– У этого ребенка на лице вместо носа кнопка от телевизионного пульта! Какой из него Багдасар?

– А что, Багдасар означает «носатый»? – уставилась на него сбитая с толку сватья.

– Конечно, раз под носом твоего отца в дождь вся наша улица собиралась!

– Ну раз ребенок носом не вышел, может, его тогда Вараздатом назовем? В честь твоего отца-пьяницы?

– Женщина, ты соображаешь, что говоришь? В сотый раз повторяю: он не пьяницей был, а ценителем тутовки! И вообще! Тебе внука не жаль? Какой Багдасар, какой Вараздат? Имя у мальчика должно быть современным. А главное, звонким и стремительным, словно выпущенная из лука стрела.

– Стремительным?! Назовите тогда сразу Гепард. Чего мелочиться-то? – встряла в перепалку Вдовая Сильвия, уязвленная тем, что никто не поинтересовался ее мнением.

Сваты, спохватившись, сразу же принялись советовать с ней. В итоге, после недолгих и почти кровопролитных препирательств, право выбора благоразумно решено было оставить за родителями младенца. Те, обещав придумать такое имя, которое устроит всех, развели взрослых по углам ринга. Однако с выбором не спешили, потому на второй неделе жизни ребенок продолжал оставаться безымянным. Традиции ничего предосудительного в этом не видели, так что и Вдовая Сильвия не беспокоилась. Придумают, никуда не денутся. Свидетельство о рождении-то надо ведь справлять.

Самый строгий из обычаев запрещал первые десять недель жизни вывозить новорожденного на прогулку, опять же чтобы побережь его от ненужного внимания окружающих. Но на дворе стоял чудесный ранний декабрь, и грех было лишать младенца возможности подышать морозным чистым воздухом. Пораскинув мозгами, Вдовая Сильвия придумала выход: она обшила верх прогулочной коляски дополнительной шторкой, которую сама же и смастерила из отреза тюля, для вящей непроницаемости пустив ткань двойным густым воланом. Сведущий человек сразу догадается, что нельзя заглядывать за шторку, а несведущего можно будет спокойно подвинуть! Анна, старающаяся никогда не перечить матери, осторожно поинтересовалась, зачем такие сложности, если первое время можно гулять, не покидая пределов двора. Вдовая Сильвия отвела взгляд, помолчала, протяжно вздохнула, подняла на дочь ореховые, в пепельный перелив, окаймленные лучиками мелких морщин глаза и ответила с обезоруживающей искренностью: уж очень хочется внуком похвастать, дочка. Анна обняла ее, чмокнула в висок, улыбнулась: конечно, мамочка, как скажешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.